

О. К. ЛОКТЕВА

С. Н. Булгаков в Киеве осенью 1918 года

Участие С. Н. Булгакова в работе Поместного собора Всероссийской православной церкви 1917—1918 гг. и принятие священнического сана в июне 1918-го стало рубежом в его деятельности как церковного политика, религиозного мыслителя и просто верующего; окончательное переселение в Крым — рубежом в его личной биографии, положившим начало периоду эмиграции. Из всех событий 1918 года история пребывания Булгакова в Киеве — наименее известна и наиболее сложно восстанавливаема.

Известно, что Булгаков был избран на Собор от мирян Таврической епархии и принял участие в работе двух сессий Собора из трех*. На последней, третьей сессии, начавшей свою работу (по новому стилю) 2 июня и закончившей ее 20 сентября 1918 г., Булгакова, уже не просто как участника, но как избранного еще на первой сессии члена Высшего Церковного Совета и ставшего к моменту открытия третьей сессии иереем, не было. Сам Булгаков описывает ход событий после его рукоположения следующим образом: «...надлежало мне в новом образе встретиться с семьей, о которой я тогда уже получил вести. Поэтому через две недели после рукоположения, с благословения Патриарха, я выехал в Крым для свидания с семьей на месячный срок, по истечении которого предполагал вернуться к месту своего прежнего, профессионального, и нового, иерейского, служения. Однако мне вовсе не суждено было вернуться в Москву. <...> Встретил благополучно своих и пробыл законный месяц с ними. Затем я сделал попытку возвратиться в Москву

* См.: Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Париж, 1946; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. Т. I—II. М., 1994.

через Киев. Но отсюда в течение целого месяца мне это не удавалось: обстоятельства изменились. Так я и принужден был возвратиться в Крым». Если события, которыми был обставлен его отъезд из Москвы, ясны, то нет ясности с последующими: дата окончательного поселения Булгакова в Крыму, а также временные и событийные рамки его вынужденного киевского «сидения» остаются крайне смутными. Возможно, уточнение обстоятельств, задержавших его в Киеве, позволит уточнить и эту датировку. И дело тут не в простой биографической точности: второй киевский период жизни Булгакова был не столь ярок и продолжителен, как первый, когда он занимал должность ординарного профессора по кафедре политической экономики и статистики в Киевском политехническом институте и одновременно приват-доцента по той же кафедре в Университете Святого Владимира *, но и он оказался не менее богат событиями.

По подсчетам М. А. Колерова, Булгаков выехал из Москвы приблизительно 25 июня 1918 г. по старому стилю, т. е. в начале третьей сессии Собора **. Очевидно, и не планируя возвратиться до ее окончания, Булгаков точно указал в своих мемуарах на две связующие его с Москвой нити — преподавание политической экономики в Московском университете и иерейское служение в храме Пророка Ильи в Обыденском переулке, к которому он был приписан. Добраться же до Кореиза (где в имении его свекрови находилась семья) и обратно из Крыма в Москву он мог только через Харьков или Киев.

Скорее всего, его первая дорога в Крым миновала Киев — и в этом смысле мемуарное свидетельство Булгакова верно. Дело в том, что уже к маю 1918 под немецкой оккупацией находилась вся территория Украины и Крымский полуостров, где в конце

* О первом «киевском периоде» (1901—1906 гг.) С. Н. Булгакова см.: *Локтева О. К.* Неизвестная статья С. Н. Булгакова (1904) // Россия и реформы. Вып. 2. М., 1993; *Колеров М. А.* С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать (1903—1905) // Вопросы философии. 1993. № 11; Сергей Булгаков. Письма к П. Б. Струве (1901—1903) / Предисловие и публикация М. А. Колерова, комментарии М. А. Колерова и О. К. Локтевой // Новый круг. № 4. Киев, 1993. С. 246—259; *Колеров М. А., Локтева О. К.* С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать (1906—1907) // Лица. Биографический альманах. Вып. 5. М.; СПб., 1994.

** «Смерть первая и воскресение первое»: Письма С. Н. Булгакова 1917—1923 гг. / Публикация и примечания М. А. Колерова // Новый мир. 1994. № 11. С. 208.

июня было образовано первое крымское краевое правительство М. А. Сулькевича. Это окончательно усложнило и прежде, при украинской Центральной Раде, запутанные взаимоотношения Киева и Крыма. С июля по сентябрь 1918 правительство украинского гетмана П. П. Скоропадского не вступало в официальные контакты с Крымом, требуя его безоговорочного вхождения в состав Украины, что, в свою очередь, значительно осложнило транспортное сообщение между Крымом и Киевом*. В таких условиях, при неурегулированности взаимоотношений между советской властью в Москве, Украиной и Крымом естественным становился кружной путь, тем более, что он уже был одобрен многими участниками Собора**.

В свою очередь, Киев как промежуточный пункт на обратной дороге в Москву был выбран Булгаковым по многим причинам: прежде всего, начинался учебный год у его дочери, М. С. Булгаковой, студентки Киевского университета. Возможно, обширные знакомства среди бывшей московской профессуры, осевшей в Таврическом университете в Симферополе, и крымских политиков, один из которых С. С. Крым (Нейман) чуть позже, в ноябре 1918, стал главой второго краевого правительства, помогли Булгакову оформить официальные документы для проезда через зону немецкой оккупации. Из Киева у Булгакова был шанс добраться до Москвы: летние решения украинской и советской делегаций на мирных переговорах Украины и РСФСР дали надежду на упорядочение железнодорожного сообщения между ними.

Факт прибытия Булгакова в Киев подтверждает и В. В. Зеньковский в воспоминаниях «Пять месяцев у власти»***. Однако он ошибочно связывает приезд Булгакова в Киев с дорогой в Крым, а не с обратной дорогой. Важно другое: Зеньковский датирует приезд Булгакова осенью 1918 г. и говорит о его пребывании в городе в течение месяца. Этому свидетельству следует доверять, исходя хотя бы из следующих фактов. Прежде всего, ранее конца августа Булгаков прибыть в Киев не мог: 9 августа неразбериха в официальных взаимоотношениях Крыма и Украины вылилась в таможенный конфликт и закрытие украинско-

* См.: Дорощенко Д. Мої спомини про недавнє-минуле (1914—1918). Львів, 1923.

** См. воспоминания об этом митр. Евлогия (Георгиевского): *Митрополит Евлогий. Путь моей жизни*. М., 1994.

*** *Зеньковский Василий. Пять месяцев у власти. Воспоминания*. М., 1995. С. 168.

крымской границы. В середине августа в киевских газетах прошло сообщение, что ввиду закрытой границы поездки в Крым возможны только с немецкими эшелонами по разрешению особого отдела германской комендатуры в Киеве, причем прошения принимались при наличии особой причины для отъезда и рассматривались в течение «неопределенного срока» *. Так же обстояло и с проездом из Крыма в Киев. Фактически до начала сентября официальный Киев игнорировал факт существования самостоятельного крымского правительства, и только с конца месяца начались украинско-крымские переговоры, которые 10 октября были прерваны вновь. Тем не менее, в сентябре железнодорожное сообщение между Украиной и Крымом стало возможным **. Кроме того, Зеньковский сообщает, что провел с Булгаковым все время пребывания последнего в Киеве ***. Но с конца августа с разрешения П. П. Скоропадского Зеньковский три недели находился в отпуске в Крыму. С Булгаковым же он встретился уже по возвращении в Киев, то есть не ранее середины сентября.

Срединой сентября 1918 года и необходимо датировать приезд Булгакова в Киев. По крайней мере, известно его письмо М. М. Замятиной, отправленное из Киева 23 сентября 1918 г. **** Первоначально перспективы выезда Булгакова в Москву обнадеживали: через киевские газеты еще в начале августа было распространено сообщение о совместном решении украинской и советской делегаций сформировать и отправить первые поезда на Москву *****. Однако для проезда необходимо было получить разрешение советской делегации и записаться в «живую очередь». Формирование поездов откладывалось: в течение августа киевские газеты из номера в номер помещали объявления об условиях проезда в Москву, сообщая о том, что списки получивших разрешение будут опубликованы (!) «в ближайшем будущем». Запись желающих растянулась надолго, и даже ничем не скомпрометировавшим себя москвичам приходилось минимум месяц ждать разрешения на отъезд. К началу

* Наш путь (Киев). 14 августа 1918. С. 3.

** См.: Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Крымское краевое правительство М. А. Сулькевича и его политика // Отечественная история. 1995. № 3.

*** Зеньковский Василий. Пять месяцев у власти. С. 160.

**** «Смерть первая и воскресение первое»: Письма С. Н. Булгакова 1917—1923 гг. С. 207.

***** См.: Наш путь (Киев). 3 августа 1918. С. 3.

октября 1918 сообщение между Киевом и Москвой стало регулярным. Но Булгаков в Москву так и не выехал.

Уже высказывалось предположение, что главную роль в этом сыграли дошедшие до него через письма из Москвы, а также киевские газеты и слухи о начавшемся «красном терроре» *. Какая из причин сыграла решающую роль — события в советской России, разлука с семьей, возможность нормального и свободного существования в Крыму или невозможность добраться до Москвы, — неизвестно. Но в новых условиях стало ясно, что он как лицо, имеющее духовный сан, не может больше занимать светскую кафедру в высших учебных заведениях. Атмосферу, в которой принималось им решение не возвращаться в Москву, иллюстрирует хотя бы тот факт, что от участия в работе третьей сессии Собора (по причинам, связанным отнюдь не только с трудностью сообщения) отказалась часть делегатов Собора с Украины и Крыма. В частности, отказался от поездки в Москву и знакомый Булгакова еще по первому киевскому периоду, член Совета Собора и профессор по кафедре богословия Киевской духовной академии П. П. Кудрявцев **.

Вынужденный целый месяц провести в Киеве, Булгаков невольно стал свидетелем событий местной общественно-политической и церковной жизни, которые, строго говоря, собственно украинскими не являлись. Та ситуация, что предстала перед его глазами в Киеве, скорее напоминала ставший уже реликтовым период Временного правительства, но только с местной спецификой, несколько изменившей акценты. Прежде всего, он нашел своих прежних коллег по Киевскому политехникуму и Киевскому университету разделенными уже не только по политическим симпатиям, но и на «щірих українців» и «русских патриотов» (с многочисленными вариантами промежуточных положений типа «прогетманской ориентации»), а в отношении Церкви — на «автокефалистов», сторонников идеи независимой украинской Церкви, и «кефалистов», приверженцев Московского Патриархата (также с большим количеством промежуточных состояний). А наиболее близкого ему Зеньковского он обнаружил в должности министра исповеданий правитель-

* Колеров М. А. [Примечания] // «Смерть первая и воскресение первое»: Письма С. Н. Булгакова 1917—1923 гг. С. 207; Колеров М. А. [Примечания] // В ожидании Палестины: 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене (1897—1925) // Неизвестная Россия: XX век. Вып. 2. М., 1992. С. 142.

** Наш путь (Киев). 14 августа 1918. С. 3.

ства Скоропадского, с 13 мая безуспешно пытавшегося сдержать крайности противоположных течений в Церкви и провести хотя бы минимум необходимых реформ.

Зеньковский достаточно точно обрисовал ту атмосферу в церковной жизни Киева, в которую окунулся Булгаков: «мы с ним виделись почти каждый день — и, естественно, постоянно беседовали на церковные темы. <...> Когда Булгаков ознакомился в подробностях с историей моих отношений к м. Антонию, со всеми моими действиями в качестве министра исповеданий, он пришел в ужас от тех “недоразумений”, которые выяснились тут для него» *. Отметим, что о деятельности Зеньковского-министра в Москве среди участников Собора ходили самые невероятные слухи, большей частью неблагоприятные для репутации самого Зеньковского. В дни своего пребывания в Киеве Булгаков оказался вовлеченным в весьма примечательный для тогдашних умонастроений в церковной среде конфликт Зеньковского как министра исповеданий с первоиерархом православной Церкви на Украине митрополитом Антонием (Храповицким), всячески сопротивлявшимся проводимой министром политике и пытавшимся удалить его из правительства. При этом Зеньковский не был ни «щирим українцем», ни «русским патриотом». О его деятельности в 1918 г. как непримиримого противника украинских националистических крайностей отзывался в своих воспоминаниях митрополит Евлогий (Георгиевский), украинские же националисты считали Зеньковского «украинцем из умеренных» **.

Ролью простого наблюдателя вызревшего конфликта Булгаков не удовлетворился и попытался вмешаться в него в качестве посредника. В результате положение его оказалось весьма сложным: с одной стороны — как иерея и члена Высшего Церковного Совета, с другой стороны — как частного лица, волей случая оказавшегося на Украине и не имевшего права на прямое вмешательство в местные дела. Воспоминания Зеньковского сохранили содержание разговора, состоявшегося у Булгакова с митрополитом Антонием: «Первая же попытка его говорить с м. Антонием была настолько неудачна, сопровождалась такими грубостями и даже оскорблениями по адресу самого Булгакова, что ему пришлось не только отказаться от роли “миротворца”, но и самому прекратить свой визит к м. Антонию. Из рассказа

* *Зеньковский Василий*. Пять месяцев у власти. С. 168.

** См.: *Митрополит Евлогий*. Путь моей жизни. М., 1994; *Дорошенко Д.* Історія України 1917—1923 рр. Т. 1. Ушгород, 1932.

Булгакова (хотя он не захотел рассказывать все, что у него произошло с м. Антонием) я узнал, что м. Антоний глубоко уверен, что я подкуплен униатами, что моя деятельность имеет своей целью всячески содействовать разложению и разрушению православия. Когда Булгаков стал защищать меня, м. Антоний грубо сказал: “Может быть, и Вам заплатили? Сколько?”* О каких-либо других попытках Булгакова вмешаться в конфликт Зеньковский не упоминает. Но не упоминает он и вообще о весьма примечательном издательском проекте, затеянном им в тот период.

1 октября 1918 в Киеве вышел первый номер газеты «Слово». Заявлена она была как «ежедневная церковно-общественная, политическая и литературная газета» и орган Министерства исповеданий. На ее издание правительством была выделена солидная сумма, и редактором назначен чиновник министерства В. Н. Лашнюков**. В программе газеты было заявлено, что «Слово» «ставит своей целью распространение идей «христианизации жизни» и одновременно «будет знакомить читателей с историей Украинской церкви, поэзии и искусства»***. Несмотря на то, что в угоду духу времени часть статей помещалась на русском языке, а часть на украинском, газета была однозначно «прорусской» ориентации и в общественно-политических, и в церковных делах. В силу последнего «Слово» вызвало неприятие со стороны украинских кругов и отчасти способствовало ухудшению положения министра Зеньковского****. Имя редактора, направленность газеты, а также список ее участников, среди которых К. М. Агеев, А. Е. Жураковский, В. З. Завитневич, Б. А. Евреинов, П. П. Кудрявцев, Ф. И. Мищенко, В. Д. Попов, А. И. Покровский, В. И. Экземплярский, Б. В. Титлинов, Н. Ф. Мухин, напоминают о другом киевском издательском проекте — газете «Народ», в которой в апреле 1906 г. принимали участие Лашнюков, Булгаков и Зеньковский*****. Однако можно считать бесспорным тот факт, что к возникновению нового издания Булгаков не имел никакого отношения. Газета

* *Зеньковский Василий*. Пять месяцев у власти. С. 168.

** Киевская мысль. 2 октября 1918. С. 2.

*** Слово (Киев). 1 октября 1918. С. 1.

**** См. критическую статью в адрес «Слова», опубликованную в националистически ориентированной газете «Новая Рада» от 6 октября 1918.

***** О газете «Народ» см.: *Колеров М. А., Локтева О. К.* С. Н. Булгаков и религиозно-философская печать (1906—1907).

«Слово» целиком — детище Зеньковского и близкого ему Лашнюкова*. Нелишне отметить, что инициаторами издательского проекта 1906 г. также были не Булгаков и его московские единомышленники, а Зеньковский и Лашнюков. Слухи о том, что Министерство исповеданий решило начать выпуск своей газеты, появились в Киеве еще в самом начале сентября 1918. В частности, еще 11 сентября на страницах одной из киевских газет Лашнюков должен был дать объяснения по поводу этих слухов и своего якобы уже состоявшегося назначения редактором**. «Слово» задумывалось как орган не направления, а учреждения — Министерства исповеданий. Другое дело, что предоставившейся возможностью воспользовалась совершенно определенная часть киевских общественных и церковных деятелей и публицистов. Ведущими представителями этого направления, помимо самого Зеньковского (в 1918 г. продолжавшего оставаться председателем формально существовавшего Киевского религиозно-философского общества), были В. Н. Лашнюков, первый председатель Религиозно-Философского Общества П. П. Кудрявцев и редактор-издатель журнала «Христианская мысль» В. И. Экземплярский, — все известные своим критическим отношением к официальной Церкви, «религиозно-общественными» настроениями и радикализмом в решении проблем внешнего устройства церковной жизни. Другие из заявленных участников газеты являлись либо членами Религиозно-философского общества***, либо авторами «Христианской мысли». После фор-

* Выйдя из тюремного заключения в 1909 г., к которому он был осужден за издание газеты «Народ», В. Н. Лашнюков фактически оказался «на дне жизни». Но к 1915 г. он с помощью бывшего издателя «Народа» В. И. Винокурова и В. И. Экземплярского, принявших личное участие в его судьбе, полностью восстановил и свой прежний круг общения, и свою репутацию религиозного публициста-радикала. До 1918 г. он сотрудничал в ряде киевских газет, вместе с Зеньковским был активным участником издаваемого Экземплярским журнала «Христианская мысль», выпустил несколько собственных брошюр религиозного содержания. Подробнее о судьбе В. Н. Лашнюкова см. его письма к А. С. Глинке (Волжскому): РГАЛИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 241.

** См.: Киевская мысль. 11 сентября 1918.

*** Об истории, составе и членах Киевского религиозно-философского общества см.: *Шерляков С.* К истории философских обществ в Киеве // Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. № 7—8. К месту будет отметить неточность высказанного автором статьи предположения, что образованное в 1908 Религиозно-философское общество и Научно-философское общество, образованное в 1914,

мального закрытия с начала 1918 г. «Христианской мысли» часть ее авторов, не потерявшая интереса к церковно-общественной проблематике, остро нуждалась в литературном и организационном пристанище. Новая газета и стала им для направления, уже не только фактическим, но и формальным лидером которого стал Зеньковский. Что же касается его организационной «оболочки», то как одну из попыток такого рода можно рассматривать возрождение осенью 1918 г. Братства во имя Иисуса Сладчайшего, созданного в Киеве годом раньше и включавшего в себя почти полный состав участников «Слова»*.

Приехав в Киев, Булгаков столкнулся с уже готовым проектом. Присоединиться к нему у него не было ни времени, ни потребности. Трудно предположить, чтобы его заинтересовал проект, столь сильно напоминающий о скандальной и болезненной для него истории с газетой «Народ» и столь тесно связанный с проблемами украинской независимости. Но все же был в плане новой газеты один аспект, который не мог оставить его равнодушным — поиск идеологии и конкретных форм подлинной «религиозной общественности». Было бы упрощением полагать, что в 1918 г. Булгаков уже полностью отошел от так долго вынашиваемой идеи. Содержание его работ этого периода, где понятие «религиозной общественности» не исчезает, но, напротив, развертывается, свидетельствует само за себя**. Став членом Высшего Церковного Совета и укрепив свою связь с церковным делом, Булгаков, казалось бы, перешел по другую сторону «церковных стен», однако тогда же в письме А. С. Глинке (Волжскому) он сформулировал ставшее для него несомненным свое отличие от большинства окружающих его церковных людей: «Люблю их, только здесь чувствую себя в родной среде, в уюте, но... все то, что мы знали про себя и раньше, с большей силой и отстоенностью даже остается и теперь. Есть — “новое ли религиозное сознание”, или “третий завет”, или светская культура, но нечто радикальное есть в нас то, что остается непонятным, закрытым, несуществующим. В конце концов, я

якобы объединились в 1918 под председательством Зеньковского в единое Религиозно-философское общество. Этому противоречит опубликованное в газете «Слово» от 17 ноября 1918 объявление о предполагаемой лекции Льва Шестова «Самоочевидные истины» в Киевском научно-философском обществе.

* Братство во имя Иисуса Сладчайшего: Беседа с о. П. Прохаско // Слово (Киев). 5 октября 1918. С. 4.

** См.: Булгаков С. Н. Свет Невечерний. Сергиев-Посад, 1917.

имел приязнь, или даже дружественность ко всем, с кем соприкасался, но в то же время оставался один» *. Строго говоря, к 1918 году изменилось лишь представление Булгакова о месте «христианской политики» в системе христианских ценностей, ее методах и границах: окончательно исчез радикализм и собственно политический акцент в их трактовке. Прежняя цельная концепция «религиозной общественности» сузилась до проблемы места Церкви, религиозно-церковного мировоззрения, церковного человека в жизни современного общества и государства.

Поэтому реальное участие Булгакова в новом киевском проекте добавилось к ежедневным разговорам с Зеньковским на церковно-общественные темы **. В «Автобиографических заметках» Булгакова в описании рассматриваемого периода есть трудно поддающееся реальному комментированию упоминание о попытке вновь вернуть его к идеям «христианской политики» — «яко пса на блевотину» ***. Под ней Булгаков мог подразумевать проект издания в Петрограде при участии А. В. Карташева, В. И. Экземплярского, К. М. Агеева двухнедельного журнала «Церковь и жизнь» (1916—1917) ****, но более всего столь резкому упоминанию Булгакова соответствует киевский проект Зеньковского 1918 года. Это было бы все, что мы могли сказать об этом эпизоде в жизни Булгакова, и согласиться с тем, что возвращение «на блевотину» не состоялось, если бы в номере газеты Зеньковского и Лашнюкова от 10 октября 1918 не появилась статья «Свобода и Церковь», подписанная инициалом — Б. Характерная подпись (Булгаков часто так подписывал свои статьи и, в частности, статьи в «Народе»), особенности авторской стилистики, направленность статьи и ее тематика позволяют предположить, что именно он и был ее автором. В пользу этого предположения говорит и сам факт его разговора с митрополитом Антонием: статья «Свобода и Церковь» подчеркнуто направлена на защиту политики Зеньковского против местной церковной иерархии. Ее анонимность легко объяснима с точки зрения того положения неофициального представителя Москвы, что занимал тогда Булгаков в украинском вопросе.

* «Смерть первая и воскресение первое»: Письма С. Н. Булгакова 1917—1923 гг. С. 203.

** *Зеньковский Василий*. Пять месяцев у власти. С. 168.

*** *Булгаков С. Н.* Автобиографические заметки. С. 79.

**** Объявление о выходе журнала «Церковь и жизнь» см.: Христианская мысль. 1917. № 1.

Если верно наше предположение о булгаковском авторстве статьи в «Слове», то она явилась публицистическим продолжением его деятельности в качестве члена Отдела по выработке положения об отношении Церкви и государства на Первом Всероссийском съезде духовенства и мирян в 1917 году, а позже и члена аналогичного отдела Собора, нашедшей свое завершение в прочитанном им на заседании Собора 17 ноября 1917 г. докладе «Об отношении Церкви к государству»*. Как и доклад, статья в «Слове» была посвящена доказательству недопустимости отделения Церкви от государства.

Интересен и тот факт, что в 1917 г. Булгаков уже полемизировал на эту тему с Зеньковским на Всероссийском съезде духовенства и мирян. Зеньковский как делегат съезда от «Христианской мысли» также входил в Отдел по выработке положения об отношении Церкви и государства и выступил на его заседаниях против тезиса Булгакова о недопустимости отделения Церкви от государства. Идеалу Булгакова (союз Церкви и государства, при котором государство, если оно не хочет порвать со своими историческими и духовными основами, обязано поддерживать Церковь в ее нуждах, а Церковь, в свою очередь, обязана пропитать государственное тело евангельскими идеями) Зеньковский противопоставил нравственную необходимость отделения Церкви от государства. Оба они ссылались на положения В. С. Соловьева, но делали из них прямо противоположные выводы. Хотя съезд подавляющим большинством голосов (800 против 9) поддержал Булгакова, Зеньковский продолжал уже не с трибуны, а со страниц «Христианской мысли», отстаивать свою точку зрения о невозможности для Церкви влиять на общественную жизнь посредством государства**. Но, похоже, опыт управления Министерством исповеданий в правительстве Скоропадского кардинально изменил его точку зрения, а конфликт с митрополитом Антонием позволил сформулировать следующее: «С одной стороны, Церковь нуждалась в свободе, в развитии в ней соборного управления, с другой стороны — для меня совершенно невозможно стать на точку зрения “отделения Церкви от государства” — столь понятную в границах европейских государств»***. Этот вывод мог только порадовать Булгакова.

* См.: *Булгаков С. Н.* Об отношении Церкви к государству. М., 1917.

** См.: *Зеньковский В.* Всероссийский Церковный Съезд // Христианская мысль. 1917. № 7/8—9/10.

*** *Зеньковский Василий.* Пять месяцев у власти. С. 169.

О каких-либо других формах участия Булгакова в религиозно-общественной жизни Киева осенью 1918 г. сведений мы не имеем. Но сам факт публикации статьи в «Слове» был моральной поддержкой киевским «религиозным общественникам» и лично Зеньковскому, вынужденным самостоятельно искать новые формы церковной жизни и преодолевать консерватизм местной церковной иерархии. Учитывая авторитет, которым Булгаков пользовался у Зеньковского, можно считать его вдохновителем церковной политики украинского министра исповеданий в сентябре 1918, в центре которой стоял вопрос об отношении Церкви и государства. Этот вопрос по инициативе Зеньковского выносился на назначенную на 28 октября Третью сессию Украинского собора (по примеру Всероссийского, созванного еще в конце 1917 г. для устроения местной церковной жизни), и именно разработкой соответствующих законопроектов и был занят в сентябре-октябре 1918-го Зеньковский. В «Киевской мысли», органе киевских кадетов, явно сочувствующем Зеньковскому, 20 октября 1918 была помещена статья с емким изображением сложившейся ситуации: «В Министерстве исповеданий предвидят большие трения на предстоящей сессии, особенно в связи с той систематической травлей, которая в последнее время велась со стороны реакционного духовенства по отношению к министру исповеданий В. В. Зеньковскому». При этом пояснялось, что ожидаемые осложнения напрямую связаны с выносимыми министерством на рассмотрение сессии законопроектами, «связанными с установлением новых отношений между Церковью и государством»*.

Впрочем, булгаковское «влияние» было ограничено сроком его пребывания в Киеве, а Зеньковский вместе со всем кабинетом министров уже 19 октября 1918 был вынужден подать в отставку. Газета «Слово» продолжала выходить вплоть до 31 декабря 1918, но уже с иной ориентацией, составом автором и редактором. Новый министр исповеданий А. А. Лотоцкий, вступивший в должность 24 октября, оказался крайним сторонником автокефалии, что сразу же повлекло за собой изменение как церковной политики, так и направленности газеты. Правда, до 11 ноября газета все еще выходила под редакцией Лашнюкова, однако вскоре он был вынужден уйти с этого поста**. В качестве органа автокефалистов газета просуществовала недолго: 31 декабря редакция сообщила о закрытии газеты по

* Киевская мысль. 20 октября 1918. С. 2.

** Слово (Киев). 14 ноября 1918. С. 3.

причине ее некупаемости, иначе говоря — непопулярности среди местного духовенства, почти полностью пророссийской ориентации*.

В «Автобиографических заметках» Булгаков дал емкое определение своего тогдашнего положения в отношении к церковной среде и «религиозной общественности», употребив фразу, как нельзя лучше подходящую и для всего его второго киевского периода: «Двух станов не боец, а только гость случайный». Поиск и обретение своего лица в церковной иерархии и православном вероучении, «христианская социология» и экуменистическое движение — были еще впереди.

Приложение

[С. Н.] Б[УЛГАКОВ?]. СВОБОДА И ЦЕРКОВЬ**

Пока не было «свободы», всем казалось, что это понятие совершенно ясное. Все жаждали свободы и даже не интересовались выяснить, что же такое желанная свобода. Но вот совершилась революция; народ получил свободу, целую коллекцию «свобод». И к немалому удивлению многих, тут-то оказалось, что свобода вещь не такая уж простая. Свобода «желаемая» представлялась безграничной. Свобода достигнутая прежде всего потребовала определения ее границ. В безграничности свободы неуловимо вдруг стала теряться самая свобода. Стоило, однако, только заговорить о «границах» свободы, как и поднялся невыразимый шум о пресловутой «контрреволюции». Этот шум оглушил несчастную Россию и отнял у народных масс способность разумно разбираться в окружающих явлениях. Сбитый с толку этим шумом народ и бросился по тому пути, который привел к неслыханной катастрофе.

Нечто очень похожее произошло и с церковно-освободительным движением. Добивались свободы Церкви. Но когда добились, то сразу же обнаружилось расхождение в ее понимании. Резко обозначились два церковных течения. Одни заявили: свобода Церкви должна быть безграничной. Свобода — так свобо-

* Слово (Киев). 31 грудня 1918. С. 1.

** Воспроизводится по газетной публикации: Слово (Киев). № 9. 10 октября 1918 (Научная библиотека Государственного архива Российской Федерации).

да. Пусть государственная власть, связывающая ранее церковную свободу, перестанет совершенно вмешиваться в церковные дела. Пусть она предоставит Церковь всецело самой себе, лишь снабжая ее «насущным пропитанием», т. е. оплачивая из государственной казны церковный бюджет. Ober-прокуратура давила на церковную власть — долой же немедленно ober-прокуратуру! Не нужно никого, ни ober-прокурора, ни другого посредника между Церковью и государством. Церковь сама созовет Собор, сама устроится; а государство пусть только подпишется под церковными решениями, дабы предать им силу государственную.

В таком духе заговорили представители старой Церкви и старого церковного режима тотчас после революции.

Такое понимание «свободы Церкви» просто было в интересах господствовавших до революции церковных кругов, позволяя им безболезненно примениться к новым условиям жизни. Полная свобода Церкви, с устранением всякого участия государственной власти в церковном устройении, чрезвычайно выгодно разрешала затруднения, в которые попали церковные деятели старого режима. Раз Церкви будет тотчас же предоставлено право устраиваться самой, то, конечно, «устраивать» ее будет старая же господствующая церковная среда, в руках которой весь аппарат церковной власти. Она созовет и «свой» Собор, который проведет «необходимые» реформы, не затронув интересы правящих церковных элементов. Такая «свобода», естественно, сильно улыбалась консервативному церковному течению.

Другое течение в Церкви, напротив, говорило, что свобода не может быть без границ. Свобода Церкви, чтобы быть истинной свободой, неизбежно должна быть условной, и в первые моменты церковного переустройства — особенно. Переход к «свободе» прежде всего требует уже присутствия известной силы, способной обеспечить действительное церковное самоопределение; а такой силой может быть лишь власть государственная. Революция освободила Церковь ведь не для того, чтобы укрепить существовавший в ней доселе режим классового господства; а такое укрепление получилось бы с предоставлением дела церковного устройства старой церковной власти. На обязанности государства, освобождающего Церковь, лежит обеспечение внутренней свободы церковного самоопределения, т. е. раскрепощение церковной общественности, доселе несправедливо подавляемой. Государственная власть не имеет даже нравственного права уклониться от участия в деле церковного реформирования, пока не будет организована настоящая, народно-общественная собор-

ность, ибо она в переходный момент и является представительницей доселе обездоленного церковного народа.

Когда Церковь получит соборное переустройство, тогда роль государственной власти естественно сократится. Ее задача регулирования внутренних церковных отношений отпадет. Но всегда останется другая задача государственного аппарата, связанная с церковно-государственными отношениями. Пока государство дает Церкви средства материальные, и пока оно усваивает государственную обязанность и государственные права церковным учреждениям и известным церковным актам, до тех пор о полном устранении государственной власти от церковных дел не может быть речи. Государству по праву будет принадлежать известный контроль как над расходом отпускаемых им средств, так и над использованием предоставленных Церкви государственных прав и преимуществ, и контроль не только формальный, а и по существу. В противном случае получилось бы государство в государстве и создалось бы положение, которого не может допустить никакая организованная государственность. От этого неизбежного контроля Церковь могла бы освободиться только одним путем: отделения от государства и перехода на положение частного религиозного общества. Однако и в таком положении все же не может быть свободы абсолютной, потому что и всякое частное общество находится под некоторым контролем самой свободной государственности.

Нетрудно, конечно, видеть, что здравая логика всецело на стороне второго понимания свободы Церкви. Оспаривать его доводы — значит ехать против рожна и упражняться в софизмах. Свободы без границ нигде быть не может, — ни индивидуальной, ни общественной, ни народной, ни церковной. Безграничная свобода только в полетах мысли, переживаниях духа; но не в действиях рук человеческих.

К сожалению, с этим положением трудно мирятся те церковные круги, которые требуют, во имя якобы свободы, полного устранения государства от сферы церковных дел и протестуют против всяких «посредников» в церковно-государственных отношениях, как будто посредничество не есть неумолимая необходимость, вытекающая из вышеизложенного положения вещей. Эти недовольные круги яро нападали на обер-прокуратуру, будировали против В. Н. Львова; не удовлетворились они в свое время и учреждением Министерства исповеданий. Российское министерство исповеданий только не успело вызвать против себя такой же агитации, какую вызвал революционный «обер-прокурор»; но просуществовай оно дальше, агитация поднялась

бы несомненно. Проблема для сторонников неограниченной свободы разрешается исключительно отделением, и если Церковь к государству станет предъявлять невыполнимые требования, то государство легко придет к выводу, что для него удобнее, отказываясь от прав, отказаться и от обязанностей по отношению к Церкви. И если русский большевизм прямо не руководился таким соображением, то последнее все равно бы рано или поздно выдвинулось ходом церковной политики, пошедшей в «непримиримом» направлении.

Надо сознаться, в украинской церковной жизни есть тенденция повторить российские ошибки. Непримириемые церковники и здесь говорят: пусть государственная власть даст нам полную свободу, пусть государство отойдет от Церкви, не вмешиваясь в церковные дела, а лишь отпуская ей кредиты, охраняя ее права и привилегии. Но неужели же эти церковники хотят, чтобы логика вещей толкала Украину так или иначе к российским заключениям?

